

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
GERALD'S GAME

Перевод с английского *Т. Покидаевой* и *М. Козырева*
под общей редакцией *Т. Покидаевой*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Игра Джералда : [роман ; перевод с английского] /
Стивен Кинг. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
448 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-095690-6

В уединенном доме на берегу лесного озера в штате Мэн разыгралась трагедия. Джесси потеряла мужа и осталась одна, прикованная к кровати... Но ее одиночество было недолгим. Все страхи, которые она когда-либо испытывала в жизни, в одночасье вернулись и заполнили уединенный дом, превратившийся в зловещую камеру пыток...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-095690-6

© Stephen King, 1992
© Перевод. Т. Покидаева, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Сэйди взяла себя в руки. Никто не взялся бы описать все негодование и презрительную ненависть, которые она вложила в свои слова:

— Мужчины, вы мерзкие грязные свиньи! Вы все одинаковы, все! Мерзкие грязные свиньи!

Сомерсет Моэм. Дождь

1

По дому гулял сквозняк. Джесси слышала, как задняя дверь то и дело хлопает на ветру. Был октябрь. Осенью косяк всегда разбухал от сырости, и дверь закрывалась нормально, только если прижать ее по сильнее. Но сегодня они как-то забыли об этом. Она хотела сказать Джералду, чтобы он пошел и закрыл дверь, прежде чем они окончательно увлекутся, иначе она просто рехнется от этого стука. Но потом Джесси подумала, как смешно это будет выглядеть. Подобная просьба испортит все настроение.

Какое настроение?!

Хороший вопрос. Как только Джералд защелкнул ручки у нее на запястьях, она поняла, что никакого настроения у нее нет и не было. Кстати, именно поэтому она и обратила внимание на стук незакрытой двери — потому что ее совершенно не возбуждали игры с ручками и привязываниями к кровати.

Чего не скажешь о Джералде. На нем были только обтягивающие трусы, и Джесси стоило лишь взглянуть на то, что творилось под ними, чтобы понять — его интерес не слабеет.

Идиотизм какой-то, — подумала она. Она действительно чувствовала себя полной дурой. Но при

этом ей было немножко страшно. Ей не хотелось этого признавать, но тем не менее так оно и было.

— Джералд, может, не надо?

Он на мгновение задумался, слегка хмуря лоб, а потом прошел через комнату к туалетному столику, что стоял слева от двери в ванную. По дороге его лицо прояснилось. Джесси внимательно наблюдала за ним. Прикованная к кровати, с разведенными в стороны руками, она ощущала себя Фей Рей в ожидании Кинг-Конга. Ее запястья были намертво прищиплены наручниками к столбикам красного дерева в изголовье кровати. Каждая рука — отдельно. Свобода движений ограничивалась шестью дюймами стальной цепи. Немного.

Джералд положил ключи от наручников на туалетный столик — они тихонечко брякнули железом по дереву, и этот едва различимый звук отдался оглушительным эхом у Джесси в ушах — и повернулся к ней. Переливчатая рябь света, отраженного от поверхности озера за окном, бежала по белому потолку у него над головой.

— Что ты сказала? Ну вот... ты мне испортила всю прелесть игры.

А по мне ничего в этом прелестного нет. Изначально, — чуть не добавила Джесси, но все же сдержалась.

Он усмехнулся. У него было тяжелое одутловатое лицо, розовое, как у поросенка, и иссиня-черные волосы с таким треугольным мыском посередине лба, который, согласно народной примете, предвещал раннее вдовство. Джесси не нравилось, когда он так улыбался. Его улыбка всегда вызывала у нее какое-то странное чувство, которое она затруднялась определить. Хотя...

Определить это было совсем не сложно. Когда Джералд ухмылялся, он становился похожим на идиота.

И чем шире он ухмылялся, тем глупее выглядел. Впечатление было такое, что с каждым дюймом ухмылки его интеллект падал на десять баллов. В такие моменты ее дорогой муженек — кстати сказать, преуспевающий адвокат — походил на сбежавшего пациента психушки.

Жестоко, но тем не менее... Но как сказать человеку, с которым ты прожила почти двадцать лет, что он, когда ухмыляется, похож на клинического дебила? Ответ прост: никак. Вот его улыбка — совсем другое дело. Улыбка у Джералда замечательная. Теплая, юморная. Наверное, именно из-за этой улыбки Джесси в него и влюбилась. Она напоминала ей отца. Когда они вечером собирались всей семьей и папа, потягивая вечерний джин-тоник, рассказывал забавные истории о том, что случилось с ним за день, у него на лице появлялась точно такая же улыбка.

Но сейчас Джералд не улыбался, а именно *ухмылялся*. Это была его «фирменная» ухмылка специально для подобных мероприятий. Ему самому она наверняка виделась этаким хищным оскалом. Но Джесси — распятой на кровати, прикованной наручниками и одетой в одни крошечные трусики — она казалась на редкость глупой. Даже нет... просто *дебильной*. Потому Джералд отнюдь не являл собой образчик крутого мачо, которому сам черт не брат, по типу тех видных мужчин из приключенческих журналов для мальчиков, над которыми он так отчаянно извергался во дни блаженной юности — одинокий, некрасивый и толстый подросток в тяжкий период полового созревания. Джесси вовсе не обольщалась. Перед ней стоял неумолимо лысеющий пожилой адвокат, чьи тесные трусы недвусмысленно распирало спереди. Причем, справедливости ради сказать, средненько так распирало...

Впрочем, размер его возбужденного причиндала значения не имел. Имела значение его ухмылка. И судя по тому, что он продолжал ухмыляться, можно было сделать вывод, что он просто не воспринял ее слова всерьез. Ведь по правилам игры Джесси *полагалось* сопротивляться.

— Джералд, я серьезно. Я не хочу так.

Ухмылка расплылась, открыв еще несколько мелких и вполне безобидных зубов. Его интеллект упал еще пунктов на двадцать — тридцать. И он по-прежнему ее не слушал.

Ты уверена?

Да. Уверена. Джесси не могла читать его мысли — для того чтобы читать человека как книгу, надо прожить с ним гораздо больше, чем семнадцать лет, — но обычно она разбиралась в его настроениях и более-менее точно знала, что у него на уме.

И если все это правда, милая, как же так получилось, что он тебя не понимает? Почему он не видит, что это уже не игра? Что для тебя это — не очередная пикантная сцена в старом секс-фарсе?

Теперь пришла ее очередь хмуриться. Джесси всегда, сколько она себя помнила, слышала голоса в голове. Она ни капельки не сомневалась, что такое бывает у всех, просто не все об этом говорят — точно так же, как не говорят о походах в сортир. В общем, она слышала голоса, с которыми ей было уютно, как в любимых домашних тапках, и хорошо, как в компании близких друзей. Но сейчас у нее в голове прозвучал новый голос... далеко не такой дружелюбный. Энергичный и сильный голос, молодой и какой-то озлобленный. Раздраженный и очень категоричный. И вот теперь он прорезался снова, отвечая на собственный вопрос:

Дело не в том, что он тебя не понимает. Просто иногда он не хочет тебя понимать.

— Джералд, правда... Я сегодня не в настроении. Сними с меня эти штуки. Давай как-нибудь по-другому. Хочешь, я буду сверху или просто ложись, а я тебе кое-что сделаю... ну, ты понимаешь.

Ты уверена, что тебе хочется это делать? — спросил этот новый категоричный голос. — *Ты вообще его хочешь, этого мужчину?*

Джесси закрыла глаза, как будто это могло бы заставить голос умолкнуть. Когда она снова открыла глаза, Джералд стоял в изножье кровати, его трусы выпирали спереди, словно нос корабля. Ну.. скажем, игрушечного кораблика. Ухмылка стала еще шире, открыв последние зубы с обеих сторон — те, что с золотыми пломбами. Джесси поняла, что ей не просто не нравится эта ухмылка — она ее раздражает.

— Я тебе *разрешу* быть сверху.. если ты будешь хорошей, послушной девочкой. Ты ведь будешь хорошей девочкой, Джесси?

Какая пошлость, — прокомментировал новый голос, который Джесси про себя окрестила «сказал, как отрезал». — *Тошнотворная пошлость.*

Джералд засунул большие пальцы за резинку трусов и теперь стал похож на какого-то нелепого ковбоя. Потом он потянул их вниз, и трусы — преодолев несущественное препятствие в виде прибора в «боевой готовности» — быстро соскользнули на пол. Его хозяйство предстало во всей своей красе. Это был вовсе не грандиозный поршень любви, с которым Джесси впервые встретилась еще подростком на страницах клиландовской «Фанни Хилл»*, а какой-то розовый

* «Фанни Хилл» — роман Дж. Клиланда, написанный в 1749 году, о женщине из публичного дома. — *Здесь и далее примеч. пер.*

мягкий пенек. Одним словом, пять дюймов ничем не примечательной эрекции. Два или три года назад, во время одной из нечастых поездок в Бостон, Джесси сходила на фильм под названием «Брюхо архитектора». Ага, подумала она, а теперь я смотрю «Член юриста». Она закусила губу, чтобы не рассмеяться, потому что это было бы бестактно.

А потом ей в голову пришла одна мысль, от которой сразу же расхотелось смеяться: Джералд не понимал, что она говорит серьезно, потому что для него сейчас попросту не существовало никакой Джесси Махо Берлингейм, сестры Мэдди и Вилла, дочери Тома и Салли и бездетной жены Джералда. Она исчезла в тот самый момент, когда он защелкнул наручники у нее на запястьях. Подростковые приключенческие журналы времен блаженной юности Джералда сменились порнографическими изданиями, которые он хранил у себя в столе в самом нижнем ящике. В этих журналах грудастые девочки, одетые только в дешевенькие жемчуга, стояли на четвереньках на лохматых медвежьих шкурах, пока мужчины наяривали их сзади такими внушительными приборами, по сравнению с которыми принадлежность Джералда смотрелась вообще никакой. На последних страницах этих веселых журналов, среди объявлений секса по телефону, встречалась реклама анатомически правильных надувных женщин. На скромный взгляд Джесси, это был странный и даже дикий подход. И вот теперь она подумала об этих надувных куклах, об их бесформенных надувных телах и невыразительных безразличных лицах с каким-то гадливым отворачиванием. Ей даже стало слегка жутковато. Не то чтобы страшно, нет — но внутри она вся напряглась, и именно это непонятное напряжение было гораздо

страшнее, чем их дурацкая игра с наручниками в летнем домике на берегу озера. И почему они вообще приехали в летний домик, когда лето давно прошло?!

Но даже сквозь эти не слишком приятные мысли к ней пробивались все звуки. Казалось, ее слух обострился донельзя. Издалека доносился рев бензопилы, чуть ближе — на озере Кашвакамак — кричала гагара, припозднившаяся с отлетом. Ее пронзительный бешеный крик поднимался до самого неба. А совсем рядом, на северном берегу озера, лаяла собака. Этот противный хрипящий лай почему-то казался Джесси приятным. Наверное, потому, что он означал: даже в будний октябрьский день здесь есть еще кто-то живой. Иначе она слышала бы только стук двери — расхлябанной, как большой зуб в гниющей десне, — беспрестанно хлопающей по разбухшему косяку. Джесси уже понимала: еще немного, и она просто рехнется от этого стука.

А тем временем Джералд, оставшийся в одних очках, взгромоздился на кровать и теперь подбирался к Джесси на четвереньках. Его глаза возбужденно блестели.

Джесси подумала, что именно из-за этого блеска она продолжает играть с ним в эти дурацкие игры, хотя ее интерес к ним давно угас. В последнее время — в последние годы — Джералд все реже и реже смотрел на нее с таким вот горячечным блеском в глазах. Для своих лет Джесси выглядела очень даже неплохо — она не растолстела и ее фигура осталась почти прежней, — но Джералд давно уже перестал на нее возбуждаться. Джесси считала, что его безразличие частично вызвано тем, что он стал много пить — теперь он пил значительно больше прежнего, — но это была только часть проблемы. Как там в старой

пословице? Чем больше знаешь, тем меньше ценишь. Наверное, так оно и есть. Хотя поэты-романтики, которых Джесси изучала на семинаре английской литературы, опровергали эту житейскую мудрость и провозглашали, что истинная любовь не умирает. Но с годами Джесси поняла, что суровая правда семейной жизни не нашла отражения в творчестве Джона Китса и Перси Шелли. Впрочем, откуда им было знать эту суровую правду — они оба умерли молодыми.

Тем более что все это было не важно. Сейчас имело значение только то, почему она продолжала играть в эти игры, хотя они ее вовсе не привлекали — исключительно потому, что ей нравился этот возбужденный блеск в глазах Джералда. Когда он вот так на нее смотрел, она себя чувствовала молодой, красивой и желанной. Но...

...но если ты думаешь, что он возбуждается на тебя, то ты ошибаешься, милая. Или просто сама себя обманываешь. Да он вообще тебя не видит. То есть видит, конечно. Но не тебя. Может быть, пришло время решить — решить раз и навсегда, — согласна ли ты и дальше мириться с таким унижением? Потому что подобный подход — это действительно унижительно, разве нет?

Она вздохнула. Да, унижительно.

— Джералд, мне это *не нравится*, — проговорила она с нажимом, и блеск в его глазах слегка померк. Уже кое-что. Все-таки он ее слышит. Так что, наверное, все в порядке. Не замечательно, как было раньше, но хотя бы в порядке. Однако мгновение спустя его глаза вновь загорелись, и он опять усмехнулся своей идиотской ухмылкой.

— Я тебя проучу, моя горячка. Моя красавица, — сказал Джералд. Он *действительно* так сказал,

причем слово «красавица» он произнес с интонацией какого-нибудь напыщенного лорда из плохонькой мелодрамы о викторианской эпохе.

Пусть он сделает то, что хочет. Чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится.

Этот голос был хорошо знаком Джесси, и она собиралась последовать его совету. Вряд ли бы Глория Стейнем* одобрила такой подход, но Джесси было плевать. Совет был хорош уже тем, что он был практичен. Пусть он сделает то, что хочет, и чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится. Что и требовалось доказать.

Джералд протянул руку — мягкую, с короткими пальцами, такую же розовую и вялую, как его член — и стиснул ей грудь. В этот миг что-то внутри у нее оборвалось. Как рвутся перенапряженные сухожилия. Она резко дернулась и сбросила его руку.

— Хватит, Джералд, уймись. Сними с меня эти тупые наручники и дай мне встать. Может, полгода назад это еще и было забавно, но сейчас меня это не возбуждает. Я себя чувствую просто по-идиотски.

На этот раз он услышал ее. Она поняла это по тому, как потускнели его глаза. Огонек в них погас, как свеча на ветру. Джесси решила, что знает, какие слова наконец-то пробились к нему: «тупые» и «по-идиотски». В детстве Джералд был толстым увальнем в очках, и первый раз он пошел на свидание аж в восемнадцать лет — через год после того, как он посадил себя на строгую диету и начал заниматься спортом, стараясь укрепить дряблое тело. Тогда он учился на втором курсе и, как сам говорил, держал свою жизнь

* Глория Стейнем, американская журналистка, одна из лидеров так называемого движения за освобождение женщин 60-х годов. Основательница феминистического журнала «Миз».

более или менее в узде. (Как будто жизнь — это дикий мустанг, которого нужно объездить и приручить.) Но Джесси знала, что когда Джералд учился в школе, его жизнь была одним сплошным кошмаром. Тогда-то в нем и развились комплекс неполноценности и недоверие к окружающим, которые он не изжил до конца даже потом, когда все стало нормально.

Он с отличием окончил колледж, юридический факультет, сделал весьма неплохую карьеру, женился на Джесси. Все это вместе (причем Джесси подозревала, что именно женитьба сыграла здесь главную роль) помогло Джералду вновь обрести уверенность в себе и какое-то самоуважение. Но на каком-то глубинном уровне в нем все-таки сохранились воспоминания о тех тумачах и затрещинах, которыми награждали его одноклассники, о том, как они дружно ржали над его тщетными попытками подтянуться на перекладине на физкультуре... и были такие слова — «идиот» и «тупой», например, — которые даже по прошествии стольких лет возвращали его в тот кошмар... по крайней мере так думала Джесси. Ей часто казалось, что все эти новомодные психологи совершенно не разбираются во многих действительно важных вещах — причем *намеренно* не разбираются, — но что касается живучести некоторых воспоминаний... в этом они абсолютно правы. Есть вещи, которые намертво врезаются в память; они присасываются к человеку, как злобные пиявки, которых не отодрать никакими силами. До поры они себя не проявляют, но определенные знаковые слова — «идиот» и «тупой», например — мгновенно их пробуждают, и вот тогда они начинают терзать человека по новой.

Это был удар ниже пояса. Джесси боялась, что ей станет стыдно, но с облегчением поняла, что не ис-

пытывает ни малейших угрызений совести. И ее это даже порадовало. *Наверное, я просто устала притворяться*, подумала она, и это натолкнуло ее на мысль, что у нее тоже должны быть свои сексуальные пристрастия. И что забавы с наручниками уж точно к ним не относятся. Подобные игры казались ей унижительными. В самом начале эксперименты Джералда — те, что с шарфами — действительно пробуждали в ней какое-то стыдливое возбуждение, и несколько раз было так, что она испытывала многократные оргазмы, хотя в последние годы и самый обычный оргазм был для нее приятной неожиданностью. Но как бы там ни было, все эти забавы сопровождались для Джесси массой негативных эмоций, и чувство, что тебя унижают, было только одним из них. С самого начала, после первых придумок Джералда, ей каждый раз снились кошмары. Она просыпалась в холодном поту, закрывая промежность руками, сжатыми в кулаки. Джесси помнила только один из этих кошмарных снов, да и то приблизительно и размыто: она играет в крокет, совершенно голая, и солнце внезапно гаснет.

Погоди, Джесси, все это ты можешь обдумать и завтра. А сейчас тебе нужно заставить его снять с тебя эти наручники.

Да. Потому что это уже была не игра — не *их* игра. Теперь это была игра Джералда. И забавляла она его одного. Джесси подыгрывала ему раньше только потому, что он так хотел. Но теперь ей надоело. Ей было противно и неприятно.

Крик одинокой гагары снова взвился над озером. Идиотская ухмылка на лице Джералда сменилась выражением мрачного разочарования. *Ты мне испортила все удовольствие, сука*, читалось у него на лице.